

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 2-го Сентября 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9175.

ПЕЧАЛЬ.

(Фантазия.)

Элизы Ожешко.

Среди цветущихъ долинъ, дышащихъ жизнью и красотою, появился вдругъ какой-то женственный призракъ, окутанный въ воздушное темное покрывало. И гдѣ проходилъ онъ, все смолкало, не слышно было ни смѣха, ни веселыхъ пѣсень, блекла зелень долинъ, и нѣжные лепестки цветовъ свертывались, какъ-бы стыдясь своей красоты... И гдѣ бы ни появлялся этотъ таинственный призрачный образъ, окутанный легкимъ чернымъ покровомъ, всюду разливалась печаль, ибо и самъ онъ былъ Печалью... И вся природа, и люди, всѣ молили явившуюся къ нимъ Печаль удалиться, уйти отъ нихъ, чтобы могъ раздаваться смѣхъ, звенѣть пѣсни, чтобы могли распускаться цветы и зеленѣть долины. Но Печаль отвѣчала: укажите мнѣ ту, которую я ищу всю свою жизнь, и я исчезну тогда такъ же, какъ все, что было и отошло уже въ вѣчность. Но пока я не найду ея, я не могу уйти отсюда и буду бродить по землѣ, какъ вѣчное проклятие... И люди, услыхавъ эти слова, стали призывать ту, имени которой они не знали. И на призывы эти одинъ за другимъ стали появляться передъ Печалью призраки, надѣясь, что среди нихъ она увидитъ ту, которую можно встрѣтить на землѣ, чтобы скрыться, исчезнуть самой. И первымъ предстало передъ Печалью Веселье, въ воздушномъ розовомъ одѣяніи, точно въ розовомъ облачкѣ, усыпанномъ блестками, съ грациозными игривыми движеніями. Въ рукахъ у него были маленькие, блестящіе шары, которые оно подбрасывало и ловило на-лету. Подошедші къ Печали, оно звонко и весело заговорило: «Меня, вѣрно, ищешь ты, мрачный призракъ?... Посмотри, какъ я обаятельно. У меня серебристый голосъ, и я знаю много веселыхъ пѣсень, ловко и легко танцуя и всегда смѣюсь... Дыханіе мое точно Зефиръ—оно лаетъ медъ цветамъ и наполняетъ соками плоды. А изъ блестящихъ шариковъ, которыми я играю, струится волшебная влага забвенія. Ты ишь меня, мрачный призракъ, не правда ли?.. Ну, вотъ и я передъ тобою. Исчезни же, бѣги отсюда!.. Но Печаль скорбно покачала головой:—о, нѣть,— промолвила она,—ты, правда, прекрасно, но вѣтreno и ненадежно... Одного взмаха моего покрывала достаточно, чтобы увлечь тебя въ мрачную бездну, гдѣ царствуетъ тоска о томъ, что было и че-

На рисункѣ представленъ Эдиссонъ съ женой, сыновьями, Теодоромъ и Чарльзомъ, и дочерью Маделеной.

ужъ нѣть... И, говоря это, Печаль тихо, еле замѣтно повѣяла своимъ креповыемъ покрываломъ, и Веселье вдругъ съ тоскливымъ станомъ отступило и склонилось къ землѣ среди увядшихъ, поблекшихъ цветовъ...

***

Тогда съ выпрямленнымъ станомъ и бѣлоснѣжнымъ человѣкомъ передъ Печалью предстала Честность. Я чиста, какъ вода горного источника, и станъ мой твердъ, какъ у мраморной статуи, меня не коснулась грязь отвратительной лжи, и слезы горя людскаго не прожгли моего чистаго, незапятнанного одѣянія. Можетъ быть, теперь, при моемъ появлѣніи, ты оставишь землю къ счастью всѣхъ живущихъ на ней. Печаль ласково взглянула на Честность и отвѣчала ей: —Нѣть, ты не та, которую я ищу. Ты не только не имѣшь власти надо мною, но ты еще сама прибѣгаешь ко мнѣ всякий разъ, какъ встрѣчаешься съ Лицемъ и Лукавствомъ. Даже при одномъ этомъ напоминаніи о врагахъ своихъ Честность печально опустила голову и отошла, а вмѣсто нея, выпрямляя согбенную отъ тяжкихъ работъ спину и отирая потъ съ лица, явился Трудъ.

— Мною—и только однимъ мною,— говорилъ онъ,—созидаются богатства мира, развиваются и употребляются въ пользу дары природы. Я превращаю пу-

стыни въ плодородныя пашни; въ нѣдра горъ и на поверхности водъ я прокладываю дороги, создаю путь, связывающій самыя отдаленные пространства; я возвѣщаю огромныя зданія, создаю богатые города, чудесами искусства наполняю дворцы. Я воплощаю въ разнообразнѣйшихъ формахъ мысль, рождающуюся въ головахъ людей, и не позволяю гибнуть появляющейся фантазіи...

Но Печаль перебила и эту рѣчь.

— Да,—говорила она,—ты дѣлаешь все это, но ты дѣлаешь еще многое другое... Ты подобенъ двуликому Янусу, ты выкалываешь плуги, это правда, но ты куешь также и мечи...

Тобою движагутъ равно и голодъ людской, и людская гордость... въ одну грудь ты вливаешь живительные соки, а другую отравляешь ядомъ... Передъ однимъ ты разстилаешь коверъ наслажденій, а другихъ держишь въ угнетеніи... Ты велика и необходимъ миру, но ты не существуешь самъ по себѣ...

— Но что же я такое?—съ удивленіемъ спросилъ Трудъ.

И Печаль отвѣтила:

— Ты орудіе, которое направляютъ и къ добру, и къ злу.

Трудъ поникнулъ своимъ морщинистымъ лицомъ и тихо промолвилъ:

— Это правда! и удалился опечаленный.

И въ то же мгновеніе вдругъ послышался страшный шумъ,—то летѣли двѣ громадныя, ужасныя птицы или драконы; со свистомъ, отъ котораго задрожало все въ цветущей долинѣ, прорѣзали онѣ воздухъ своими крыльями. Одна изъ этихъ птицъ была кроваво-красная, а другая огненно-желтая, и у одной изъ нихъ струилась кровь, а у другой пылалъ огонь. У испуганныхъ, дрожащихъ людей вдругъ появилась въ сердцѣ надежда.—Можетъ быть, именно, эти чудовища должны истребить на землѣ Печаль? Можетъ быть, ихъ она искала? Кто знаетъ!.. Но вдругъ Печаль поднялась до самаго неба и блѣднымъ лицомъ своимъ заслонила солнце, а складками своего чернаго кре-па затмѣня голубое небо, голосомъ, полнымъ испуга и отчаянія, воскликнула: «О, Гневъ и Месть! Это вы создаете мое существованіе. Вы появились здѣсь, и я не могу ужъ отойти отсюда. И если вы бессмертны, мое скитаніе по землѣ будетъ тоже вѣчнымъ. Горе мнѣ!.. Горе этой долинѣ, горе всему живущему на землѣ!.. А люди, слыша эти слова на землѣ, прижимали руки къ тре-

Новая (овальная) форма билларда.

Новый видъ спортивныхъ развлечений на морскихъ купаньяхъ въ Англии.

Куклы коллекции А. И. Вельяминовой.

Изъ коллекціи,—единственной въ Европѣ,—куколъ въ национальныхъ костюмахъ, эта коллекція изъ 140 куколъ составлена заѣдывающей игрушечной мастерской Моск. губ. земства, художн. А. И. Вельяминовой.

Харьковъ. Типографія „Южного Края“, Сумская улица, № 13.

Воскресенье, 2-го Сентября 1907 года.

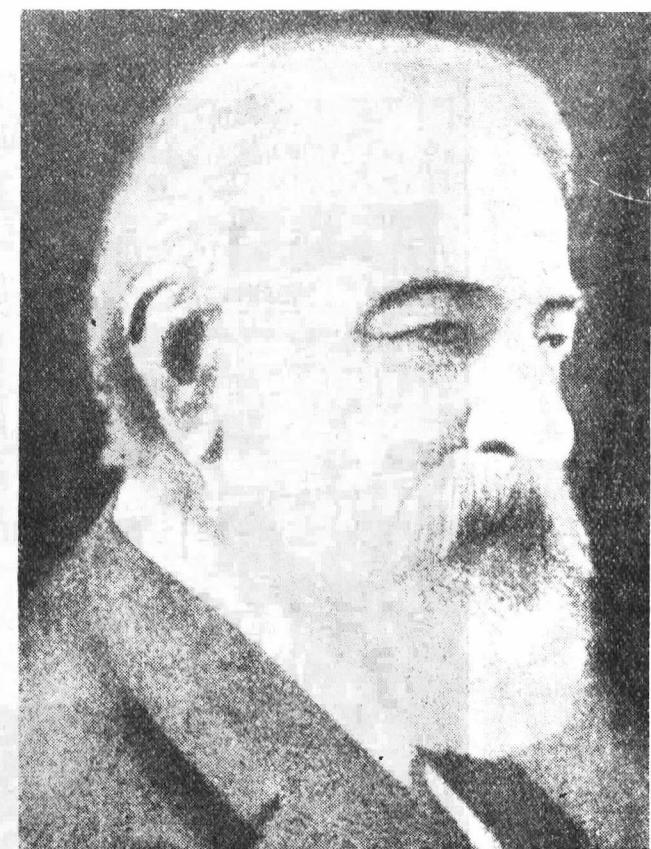
ЮЖНЫЙ КРАЙ

11

П. Ф. Твердохлѣбовъ.

Общественный дѣятель г. Харькова. Скончался 22 августа 1907 г.

Іосифъ Іоахимъ.

Скрипачъ-виртуозъ, скончавшійся въ Берлинѣ 3 (16) августа.

Памяти Петра Федоровича Твердохлѣбова.

22 августа с. г. скончался въ Севастопольѣ видный общественный дѣятель г. Харькова, Петръ Федоровичъ Твердохлѣбовъ. Отдать дань уваженія такому человѣку наша обязанность.

Чѣмъ же онъ былъ, что сдѣлалъ и за что такъ чтили его при жизни и будуть помнить послѣ смерти?..

Онъ былъ въ теченіе 20 лѣтъ почти безсмѣннымъ гласнымъ, смѣло и самоотверженно отстаивавшимъ интересы города, интересы бѣднѣшихъ, которые всегда были ему близки.

Рѣлкій образчикъ настоящаго общественного дѣятеля, безуокизненно честнаго, независимаго, безстрашнаго, способнаго прямо таки на самопожертвованіе ради общественныхъ интересовъ, какъ онъ это и доказалъ на дѣлѣ, — онъ всегда пользовался и среди гласныхъ, и среди горожанъ глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ — такъ характеризовала его харьковская пресса нѣсколько лѣтъ назадъ, когда, выступивъ защитникомъ интересовъ города противъ дѣяній одного изъ посягавшихъ на нихъ контрагентовъ, онъ назвалъ эти дѣянія настоящими ихъ именемъ, назвалъ въ думѣ, назвалъ въ прессѣ, назвалъ въ судѣ, гдѣ считавшій себя оскорблѣннымъ контрагентъ предлагалъ ему дважды примириться подъ условіемъ, чтобы онъ взялъ свои слова назадъ. Петръ Федоровичъ оба раза — и до и послѣ приговора — отказался, и этотъ 70-лѣтній старецъ предпочелъ мѣсяцъ тюремнаго заключенія — отказу отъ того, что онъ считаетъ истиной.

Правда, слѣдующая инстанція — палата и Сенатъ — стали на его сторону и сняли съ него позоръ тюремы, не допустивъ до исполненія приговора. Но этотъ приговоръ далъ поводъ харьковцамъ высказать свое отношеніе къ этому новому „Катону“, безстрашно говорившему прав-

ду сильнымъ мѣромъ сего, быть ли это важный чинъ администраціи или влиятельный дѣлецъ, — для него не было различія!... Какъ только былъ произнесенъ осуждавшій его приговоръ — молодежь на рукахъ вынесла его изъ зала суда, горожане поднесли адресъ, покрытый тысячами подписей, такъ и озаглавленный: „Отъ жителей города Харькова“, дума единогласно постановила отправить къ г. Твердохлѣбову депутацию, которая выразила бы ему сочувствіе въ несчастіи, постигшемъ его вслѣдствіе самоотверженной защиты общественныхъ интересовъ, при чемъ въ составѣ депутатіи по желали войти чуть не всѣ гласные.

Мѣстное просветительное Общество, извѣстное на всю Россію „Общество грамотности“, где онъ состоялъ пожизненнымъ членомъ и попечителемъ одной изъ школъ (имени писателя В. М. Гаршина) на его отказъ отъ этого званія, посланный подъ давлѣніемъ предстоящаго сидѣнія въ тюрьмѣ, приспало ему свое сочувствіе и просьбу оставаться тѣмъ же желаннымъ членомъ и попечителемъ. Частныя лица посыпали ему телеграммы и цвѣты все съ тѣмъ же выраженіемъ сочувствія. Очень характерно было на судѣ послѣднее заключительное слово подсудимаго. Онъ просилъ объ оправданіи не потому, что боится наказанія, — „нѣть, я его не боюсь!“ — таکъ и сказали онъ судьямъ, — а потому, что обвинительный приговоръ можетъ наложить печать молчанія на уста недостаточно смѣлыхъ людей, которые затрудняются обличить злоупотребленія противъ общественныхъ интересовъ, если передъ ними будетъ стоять прецедентъ тюремнаго заключенія за такія обличенія”...

Одинъ этотъ эпизодъ изъ жизни П. Ф. Твердохлѣбова можетъ достаточно охарактеризовать эту непреклонно стойкую, прекрасную личность. Если къ этому прибавить, что все то духовное богат-

ство, которымъ обладалъ покойный, было добыто благодаря его личной настойчивости и труду, что, получивъ образование въ училищѣ для дѣтей канцелярскихъ служителей, онъ самъ расширилъ его до того, что увлекался лучшими европейскими философами, удѣляя значительную долю вниманія и нашему соотечественнику Льву Толстому, съ которымъ въ области возврѣній имѣлъ много общаго; если прибавить, что изъ мелкаго столоначальника „временнаго стола, учрежденного при канцеляріи приказа общественного призрѣнія для исправленія безпорядковъ проишлыхъ лѣтъ“, онъ сумѣлъ стать крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, привлекавшимъ общее вниманіе, виднымъ „отцомъ города“, — университетскаго города съ нѣсколькими высшими учебными заведеніями, былъ предсѣдателемъ многихъ городскихъ комиссій, изъ коихъ нѣкоторыя такъ и носили имя „твердохлѣбовскихъ“, то мы поймемъ, какую крупную силу мы потеряли въ покойномъ. Миръ пражу твоему, честный боецъ за правду, защитникъ обездоленныхъ и лучшій примѣръ для новыхъ дѣятелей, идущихъ на смиру отходящимъ поколѣніямъ. „Правда, правда всегда и во всемъ — завѣтъ покойнаго — должно стоять лозунгомъ для ихъ работы.“

Я далекъ отъ мысли въ краткой статьѣ исчерпать всю глубину этой выдающейся личности, этого искреннѣйшаго врага всіческихъ покушеній на общественное благо, горячаго обличителя общественной неправды и смѣлого противника всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе посагаетъ на общественные интересы. Пусть это сдѣлаютъ другіе!..

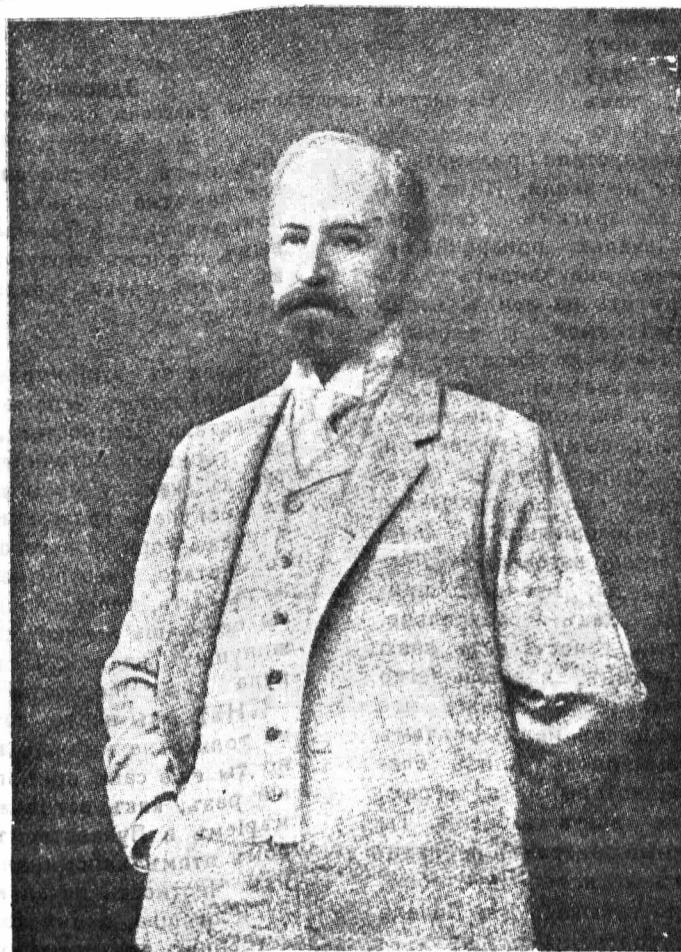
Эти же строки пусть будутъ хоть слабой данью моего глубокаго уваженія къ памяти покойнаго, скромнѣй цвѣткомъ на его дорогу для насы могилу!..

Вячеславъ Александровъ.

Новый храмъ Воскресенія Христова, на Екатерининскомъ каналѣ, въ Петербургѣ.

пещущему сердцу и старались укрыться отъ крови и пламени въ гуще деревьевъ, цветовъ и колосьевъ, но листья деревьевъ осыпались, цветы увяли, и колосья склонились къ землѣ, роняя свои зерна... И продолжалось это до тѣхъ поръ, пока не смолкъ свистъ Мести и Гнѣва и не исчезли огонь и кровь... Смутивъ сердца страданіемъ и погубивъ цветы и листву деревьевъ, они полетѣли дальше, и тогда только Печаль отдернула свой черный крѣпъ и открыла людямъ солнце съ померкшимъ свѣтомъ и поблѣдѣвшій сводъ небесъ. Все стихло, и съ неба спустилась на землю и стала среди увядшихъ растеній долины спокойная, величавая фигура, вся въ блѣдомъ, и ласковымъ голосомъ она промолвила, обращаясь къ блѣдной, въ черныхъ покровахъ, Печали:—Я многое прошу, понимаю, знаю... Ты хорошо знакома мнѣ, Печаль. Мое же имя—Мудрость... Я всѣхъ учу, но и я не свободна отъ твоей власти, ибо я сознаю, что знаю мало... Съ упоеніемъ и гордостью я произношу: «Я знаю!» Но чаще съ болью сердца признаюсь: «Не знаю». Безъ меня міръ былъ бы невѣжественнымъ и темнымъ, но и я не внесла въ него полнаго свѣта... Я унимаю злые силы кровавыхъ и огненныхъ драконовъ, но уничтожить ихъ совершенно я не могу! Мы близки съ тобою, о Печаль! Мы съ тобою породнились отъ самаго дня рождения. Кто не извѣдалъ печали, тотъ не можетъ быть мудрымъ, а кто мудръ, тотъ долженъ быть и печальнымъ!..

А. А. Парландъ.

Профессоръ архитектуры, строитель храма Воскресенія Христова на Екатерининскомъ каналѣ, въ Петербургѣ.

Я не могу удалить тебя отъ этого міра и не могу защитить тебя отъ его проклятій. Но, зная и видя больше другихъ, я, можетъ быть, помогу тебѣ найти ту, которую ты ишѣшь... Скажи мнѣ, Печаль, кто нуженъ тебѣ?... Печаль чувствовала любовь и уваженіе къ Мудрости и потому, послѣ короткаго раздумья, сказала:—«Да, Мудрость, можетъ быть, ты своими мудрыми совѣтами избавишь меня отъ міра, и міръ отъ меня. Но мало же ты проникаешь въ тайну жизни, если сама не отгадала, кто нуженъ мнѣ?... Знай же, что въ душѣ существъ, нисходящихъ на землю изъ подъ сводовъ небесныхъ, ужъ цѣлые вѣка ишу я Добро. На спокойномъ, точно изваянномъ изъ мрамора лицѣ Мудрости отразилось страданіе. А Печаль продолжала:—Если бы Добро всдворилось на землѣ, скитаніе мое по ней прекратилось бы, и я могла бы возвратиться въ заоблачныя страны и тамъ заснуть, заснуть на вѣки... Она смолкла, а Мудрость, погруженная въ раздумье, стояла, склонивъ голову. Наконецъ, она сказала:—«Скорблю о тебѣ, сестра моя, скорблю и обо всѣхъ, живущихъ на землѣ...—Какъ, ты думаешьъ, можетъ быть, что Добра нѣть совсѣмъ на землѣ?— дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросила ее Печаль.—Не знаю, отвѣтила Мудрость послѣ долгаго молчанія... И объ онѣ—блѣдная Печаль въ темныхъ покровахъ и Мудрость съ мрачнымъ человѣкомъ—задумчиво стояли среди обнаженныхъ деревьевъ, увядшихъ цветовъ и опустѣлыхъ колосьевъ. А надъ ними, въ высотѣ, изъ сѣрой мглы, изъ-за темныхъ, клубившихся тучъ, изъ-за блѣдной зари, Добро явило свой чарующій ликъ и тихо взмахнуло своими ангельскими крыльями... Но это было высоко—высоко . . . .